

А.Е. Ландау

Еврейская библиотека

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.Е. Ландау**
Еврейская библиотека: Том 2 / А.Е. Ландау – М.: Книга по Требованию, 2014. –
468 с.

ISBN 978-5-4241-5458-4

Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том 2

ISBN 978-5-4241-5458-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Напротивъ, для насъ, какъ и для „От. Зап.“, важно только то, „чтобы всѣ люди были образованы и равноправны, чтобы не было притѣснителей и притѣсненных“. Наше современное желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы евреи были людьми и чтобы ихъ считали людьми, чтобы отъ нихъ требовали то, чего требуютъ отъ всѣхъ прочихъ людей, и чтобы имъ предоставляли то что предоставляютъ прочимъ людямъ. Это наше *profession de foi* относительно еврейскаго вопроса, которое „От. Зап.“ отыскивали въ первомъ томѣ нашего сборника, но не могли опредѣлить, вслѣдствіе противоположнаго направленія, обнаруживаемаго будто бы различными его статьями, хотя признаться, мы вовсе не видимъ, какимъ образомъ догматическое изложеніе „Библейскаго государства“, основанное—не на нѣсколькихъ выдержкахъ изъ Ветхаго Завѣта, какъ говорятъ „От. Зап.“—ибо три четверти статьи г. Мандельштама состоятъ изъ цитатъ—а на глубокомъ, основательномъ изученіи, — можетъ называться „наивно-дѣтскимъ и національно-слѣпымъ“, и почему слова одного изъ героевъ романа должны быть приняты непремѣнно за убѣжденіе автора. Да если бы такая противоположность и существовала, то это вовсе не противорѣчило бы характеру и цѣли нашего сборника. Мы должны заявить здѣсь, что нашъ сборникъ не есть вовсе органъ какой либо еврейской партіи съ цѣлью пропаганды между евреями, — при случаѣ, мы, впрочемъ, и отъ этого не отказываемся—а мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду ознакомить русскую публику съ тѣмъ, чѣмъ были евреи, чѣмъ они теперь и чѣмъ они могли быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Если на основаніи изложенныхъ фактовъ читатели въ состояніи будутъ вывести заключеніе о томъ, чѣмъ были евреи, то по способу изложенія ихъ они въ состояніи будутъ судить о томъ, какіе мнѣнія и взгляды существуютъ теперь у евреевъ и чего желаютъ и добиваются различные ихъ представители—словомъ, чѣмъ теперь евреи.

Мы воспользовались замѣчаніями „От. Зап.“ не для того, чтобы полемизировать съ ними, а для того, чтобы высказать наше отно-

шеніе къ еврейскому вопросу и разъяснить цѣль нашего изданія, о которой любопытствовали узнать одни и которую превратно истолковали другіе русскіе публицисты („Вѣстникъ Европы“ 1871 г. августъ, „Современная лѣтопись“ 1871 г. № 39).

Полагаемъ, что, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ отношеніи, мы высказались вполне ясно.

А. Л.

С.-Петербургъ, 4 февраля 1872.

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ *.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жондъ народовый и Евреи.

I.

— Теперь я буду спрягать, — сказалъ въ одно январское утро 1862 года Жюль Перець Джону Берковичу, сидѣвшему насупротивъ его съ польскою грамматикою въ рукахъ.

И онъ началъ спрягать польскій глаголь: *писаć*. Берковичъ внимательно слѣдилъ за упражняющимся по книгѣ, дабы, въ случаѣ надобности, прийти ему на помощь. Но Жюль Перець въ этой помощи не нуждался: благодаря своей счастливой памяти, онъ благополучно провелъ свой глаголь сквозь пучину всѣхъ временъ и наклоненій.

— *Very well*, — сказалъ Берковичъ, погладивъ свою рыжую бородку.

— То есть, *très bien* на языкѣ порядочныхъ людей? — спросилъ Перець.

— *Yes, sir*, — хладнокровно отвѣтилъ Берковичъ, медленно пережестывая грамматику.

Жюль Перець и Джонъ Берковичъ, — первый частный преподаватель французскаго языка, а второй — таковая же птица по части англійскаго языка, — переживали теперь очень трудныя времена. Вслѣдствіе польскаго движенія, охватившаго весь край, они лишились большей половины своихъ уроковъ, составлявшихъ единственный источникъ ихъ существованія. Уступая напору обстоятельствъ, евреи города N вдругъ охладѣли къ иностраннымъ языкамъ, на которые прежде были тае

падки, и бросились изучать польскій языкъ съ свойственной имъ горячностью. Они стали раскупать на расхватъ польскіе грамматики, словари и хрестоматіи. Число изучающихъ польскій языкъ возрастало съ каждымъ днемъ. Люди состоятельные нанимали учителей, а несостоятельные бросились самоучкой осилить языкъ, которымъ прежде пренебрегали, но который теперь вдругъ, почему-то, сталъ всёмъ необходимъ. Поляки, само собою разумѣется, всячески поддерживали и поощряли горячку, овладѣвшую еврейскимъ населеніемъ города N, видя въ ней вождѣнный переломъ въ образѣ мыслей и чувствахъ евреевъ, переломъ, обещающій имъ много хорошаго въ будущемъ. Но они горько ошибались. Перелома въ образѣ мыслей и чувствахъ евреевъ никакого не было; каждый еврей сталъ учиться по польски потому, что всё остальные евреи почему-то стали учиться этому языку. Соревнованіе, конкуренція,—эти обычныя явленія въ жизни русскихъ евреевъ,—играли во всей этой кутерьмѣ главную и почти единственную роль: Одинъ началъ учиться по польски, стало быть, всё должны учиться. Въ силу этого, и Перець, и Берковичъ, чтобы не отстать отъ другихъ, тоже должны были звать за польскіе учебники.

Какъ сказано, Жюль Перець и Джонъ Берковичъ переживали теперь очень трудныя времена. Ихъ доходъ не покрывалъ ихъ расходовъ. Не будь у нихъ кой-какихъ сбереженій отъ прошлыхъ лѣтъ и не живи они весьма экономно,—имъ пришлось-бы теперь очень жутко.

Они занимали небольшую комнату во второмъ этажѣ, если только вторымъ этажемъ можно назвать мансарду надъ одноэтажнымъ деревяннымъ домикомъ предмѣстья. Но такъ, по крайней мѣрѣ, называли ее владѣлецъ этого домика, отставной чиновникъ, и жильцы его. Меблирована была эта комната, какъ обыкновенно меблируются квартиры бѣдныхъ холостяковъ: двѣ простыя некрашенныя кровати, два стула, тоже некрашенныя, одинъ столъ, немножко покрашенный, и одинъ табуретъ, исправлявшій по утрамъ также и должность умывальнаго столика. Эта мебель была хвайская. Но, кромѣ этой мебели, въ комнатѣ находились: старый комодъ, два сундука и одно небольшое и очень дешевое зеркало. Эти предметы уже были благопріобрѣтенною собственностью самихъ жильцовъ.

Въ видахъ экономіи, Жюль Перець, вмѣсто хорошихъ сигаръ, къ которымъ было привыкъ, сталъ курить простыя, саодѣльныя папирсы, а Джонъ Берковичъ, вмѣсто двухъ буты-

локъ баварскаго пива, которыя выпивать каждый день, стали входить во вкусъ простаго кваса домашняго приготовленія.

— А что, сэръ, — плохо? — сказала Жюль Перець, съ отвращеніемъ покуривая свою чапироску.

— Не хорошо, а даже думаю, что совсѣмъ не хорошо, — отвѣтилъ Джонъ Берковичъ, продолжая перелистывать, лежащую передъ нимъ, грамматику.

— Но ничего, прибавилъ какъ-бы въ утѣшеніе Жюль Перець, — будетъ еще хуже: мы вскорѣй дѣлшимся и послѣднихъ нашихъ уроковъ.

— Ты такъ думаешь? — спросилъ Берковичъ, побѣднѣвъ, какъ полотно.

— Я почти въ томъ убѣжденъ, — отвѣтилъ Перець, бросивъ въ уголь окурокъ папиросы. Вѣдь наши единовѣрцы все равно, что стадо барановъ: куда одинъ — туда и всѣ. Одинъ бросилъ учиться по французски, значить, никому уже не нужно учиться! Къ первому числу у меня, вѣроятно, не останется ни одного урока.

— У меня въ перспективѣ почти тоже самое, — проговорилъ Берковичъ, испустивъ глубокій вздохъ.

— Однако, мой бѣгъ, началъ Перець, послѣ короткой паузы, — отчаяваться нечего. Мы люди халостые. Какъ хорошо, что мы не женаты! Мы съ годою не умремъ.

— Но ты, кажется, забываешь, — возразилъ Берковичъ, — что у меня мать и сестра, которыя только моею поддержкою и живутъ?

— Ахъ да; виновать, — извинился Перець, — я точно забылъ, что ты все равно, что съ семьей. Но мы объ этомъ еще подумаемъ.

Онъ всталъ и зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ, ероша свои длинные черные волосы. Берковичъ, закрывъ книгу, рѣстнулся на кровати и сталъ бессмысленно глядѣть въ потолокъ.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ...

— О чемъ ты задумался? — спросилъ Жюль Перець, — подошедъ къ своему товарищу.

— Я задумался о томъ, — отвѣтилъ Берковичъ, обернувшись лицомъ къ стоявшему передъ нимъ Пересу, — я задумался о томъ, что какъ хорошо-бы было, если-бы я былъ дровосѣкомъ, чернорабочимъ, ремесленникомъ или земледѣльцемъ. Чернорабочій всегда найдетъ для себя занятіе, а мы — вотъ

нѣтъ. Въ нашихъ услугахъ никто теперь не нуждается. Вѣтъ въ чемъ наша бѣда.

— Ошибаешься, другъ мой, — возразилъ Жюль Перець, — въ услугахъ нашихъ еще нуждаются, не здѣсь, такъ тамъ, и бѣда наша не въ томъ, что мы не черноработіе, а въ томъ, что мы евреи.

— Какъ такъ? — спросилъ Берковичъ, не понявъ мысли своего товарища.

— Да такъ. Что сдѣлалъ, напримѣръ, мсье Дюпре, когда онъ, подобно намъ, сталъ терять одинъ урокъ за другими? Онъ плюнулъ на весь край и уѣхалъ въ Россію, гдѣ трудъ его вознаграждается гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. А мы вотъ сиди здѣсь и надыхай съ голоду, потому что намъ въ Россію нельзя. Мсье Дюпре, иностранцу, можно свободно развѣзжать по Россіи, а мнѣ, русскому подданному, нельзя, потому что я еврей. Какъ тебѣ нравится эта логика?

Берковичъ ничего не отвѣтилъ, но изъ сдѣланной имъ гримасы видно было, что и ему эта логика не больно нравится.

— Послушай, Джонъ, — опять началъ Перець — тебѣ, кажется, извѣстно, какъ мало я сочувствую полякамъ. При всемъ томъ, я ни на минуту не задумаюсь, когда они того требуютъ, стать въ ихъ ряды. Россія насъ не принимаетъ; стало быть, мы должны оставаться въ Польшѣ. М-лле Кранцъ, въ самомъ дѣлѣ, права, когда говоритъ, что мы ѣдимъ польскій хлѣбъ, а не русскій. Чортъ возьми! Пойду въ повстанцы. Стрѣлять, фехтовать, ѣздить верхомъ умѣю, и потому могу быть воинемъ не хуже другихъ польскихъ юношей. Рѣшено: при первомъ призывѣ я промѣняю мою учительскую укладку на повстанскую винтовку. Чѣмъ я тутъ рискую?

— Бездѣлницей: извѣстно, — флегматически отвѣчалъ Берковичъ.

— Эхъ, братъ! — воскликнулъ Перець, подбѣвѣ къ Берковичу на кровать, — не все-ли равно умереть съ голоду или отъ шальной пули! Для людей же нашего образованія — смерть отъ послѣдней легче и почетнѣе.

— А мнѣ-то что дѣлать? — спросилъ Берковичъ.

— Тоже самое, — отвѣтилъ Перець. — Мы вѣдь все равно, что самые близнецы. Мы вмѣстѣ тянули учительскую ляжку, мы, такъ сказать, и на полѣ чести будемъ подвизаться вмѣстѣ. Ужъ мы другъ отъ друга не отстанемъ — это вѣрно.

— Но ты, Жюль, все забываешь, что у меня есть мать, сестра...

— *Lass sie betteln gehen, wenn sie hung'rig sind!*— продекламировал Перець известный стихъ изъ «Двухъ грендеровъ» и всталъ съ кровати.

Берковича передернуло отъ послѣднихъ словъ Переца. Онъ сталъ моргать глазами и щипать свою бородку, что означало, что онъ очень вволнованъ.

— Послушай, Жюль, къ чему эти пустыя слова,—сказалъ Берковичъ.—Ты вѣдь очень хорошо знаешь, что мать и сестра для меня—святыня, что скорѣе я самъ соглашусь нищенствовать, нежели ихъ пушу по міру. Поэтому, ты бы лучше серьезно подумалъ, а потомъ бы говорилъ.

— Ну, ничего, — успокаивалъ Перець своего вволнованнаго друга,—мы еще подумаемъ. Мы до крайности не допустимъ ни твоей матери, ни твоей сестры. Ты вѣдь знаешь, что и я ихъ глубоко уважаю. Гейневскій стихъ сорвался у меня съ языка, потому что такъ къ слову пришлось. Какъ положительный совѣтъ, я и не думалъ предлагать его тебѣ. Мы еще подумаемъ. Ты вѣдь не сердись на меня?

— Нѣтъ.

— Дай же руку.

Перець крѣпко пожалъ протянутую ему Берковичемъ руку. Потомъ онъ опять зашагалъ по комнатѣ и заскрипалъ марсельезу, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда бывалъ недоволенъ собою.

— Ва!—вдругъ воскликнулъ Перець, переставъ свистать и взглянувъ на свои часы. — Уже четыре часа. *M-me Кранцъ* поставитъ насъ въ уголъ за то, что опоздали. *Aux armes, citoyens!* поднимись и пойдемъ.

— Я сегодня не пойду, — отвѣтилъ Берковичъ, потягиваясь,—я сегодня не расположенъ.

— Не расположенъ поболтать даже съ *m-me Полюной*? Это уже настоящая хандра, и я насильно тебя потащу: если не польскіе глаголы, такъ ей черныя очи тебя вылечатъ. Вѣдь ты влюбленъ въ эти очи, да?

— Что за вздоръ! — отвѣтилъ Берковичъ, сильно покраснѣвъ.—Мнѣ теперь совсѣмъ не до любви.

— Отчего не до любви? Плохія обстоятельства? Пустое! Я на обстоятельства никогда не обращалъ вниманія. Есть кого любить — люблю, все равно, есть-ли въ портмоне кредитка или нѣтъ. Развѣ бѣднѣе уже и любить нельзя?

— Не запрещено, но какъ-то не идетъ, — замѣтилъ Берковичъ.

— Отчего не идетъ? — спросилъ Перець, — развѣ бѣднякъ не человѣкъ? А я, по легкомыслию моему, всегда считалъ себя человѣкомъ. Я голодалъ, а все-таки любилъ, и меня любили. Я и теперь люблю.

— Кого? — почти крикнулъ Берковичъ, вытаращивъ глаза на Переца.

— Успокойся, другъ, — отвѣтилъ Перець, — не Полину, а другую дѣвушку, которой ты совѣмъ не знаешь. Но сознаюсь, не будь я влюбленъ въ мою, я бы влюбился въ твою Полину.

Берковича покоробило отъ послѣднихъ словъ Переца.

— Послушай, Жюль, — сказалъ онъ тономъ обиженнаго, — зачѣмъ эти шутки? Почему ты называешь m-lle Полину моею? Ты вѣдь знаешь, что она слишкомъ богата для того, чтобы могла думать о такомъ горемыкѣ, какъ я, а я слишкомъ разсудителенъ для того, чтобы думать о невозможномъ?

— Ну, все равно, думаешь-ли ты о ней, или нѣтъ, я хотѣлъ только сказать, что она славная дѣвушка.

— Кто этого не знаетъ!

— Бѣдовая дѣвушка, — продолжалъ Перець, восторгаясь. — Ты знаешь, какимъ оригинальнымъ образомъ она на дняхъ познакомилась съ Саринымъ?

— Она уже познакомилась съ Саринымъ? — спросилъ Берковичъ удивленно.

— Ну да, чего ты испугался? Саринъ птица неопасная; онъ такой же бука, какъ ты. Но слушай, какъ было дѣло. Саринъ почти ежедневно бываетъ у Адольфа: они старые знакомые и притомъ дѣла у нихъ какія-то есть. Полина ждетъ день, два, три, — Саринъ съ нею не знакомится. Встрѣчаясь съ нею въ залѣ, онъ раскланивается, но не говоритъ ни слова, не рекомендуется. Полинѣ стало досадно и она рѣшилась дать ему урокъ. На-дняхъ, встрѣтившись съ нимъ въ залѣ, она загородила ему дорогу, и скомандовала «стой! равняйся». Онъ оторопѣлъ и остановился. Полина, приложивъ два пальца къ виску, отпартовала: «честь имѣю рекомендоваться: Полина Кранцъ, сестра Адольфа и другъ Мэри Тидманъ, прошу любить и жаловать». Саринъ улыбнулся и тоже отрекомендовался. — «Такъ вы Аркадій Саринъ?» спросила она. — «Да». — «Слушайте же, Аркадій Саринъ! Кто освободилъ васъ отъ свѣтскихъ приличій?» И ну, давай читать ему нотацию на эту тему. Онъ былъ ужасно сконфуженъ, сталъ объясняться, просить прощенья. Однимъ словомъ, была сцена уморительная... Но я

заболтался, а намъ уже пора, она насъ ждетъ. Такъ ты не пойдешь?

— Нѣтъ, хочу полежать.

— Ну, лежи, Богъ съ тобой.

Онъ надѣлъ пальто и калоши, захватилъ книгу и направился къ двери, насвистывая арію изъ «Севильскаго Цирюльника».

Берковичъ проводилъ его глазами.

— Ахъ, да, Жюль, — припомнилъ онъ, — мимоходомъ скажешь хозяйкѣ, чтобы она принесла мнѣ квасу.

— Ишь, сибаритъ какой! — весело воскликнулъ Перець. — А что, папирасы будешь мнѣ набивать?

— Буду.

— Ладно. Сію минуту ты получишь твою любимую бурду. Прощай и не увывай.

Перець вышелъ, продолжая насвистывать свою арію.

II.

Урокъ кончился. Полина встала, но Жюль Перець продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, одною рукою подперши голову, а другою барабани по столу не то маршь, не то вальсъ. Онъ такъ крѣпко задумался, что не замѣтилъ, какъ Полина вышла въ другую комнату. Возвратившись черезъ нѣсколько минутъ въ свой кабинетъ, она нашла Переца въ томъ же положеніи. Это ее нѣсколько озадачило.

— О чемъ вы задумались, мсье Перець? — спросила она.

Перець вдрогнулъ, какъ человѣкъ, который только что вдремнулъ и котораго внезапно разбудили щелчкомъ въ носъ или пинкомъ въ бокъ. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, потеръ себѣ лобъ, погладилъ свои волосы и пересѣлъ на другой стулъ.

— Извините, mademoiselle, — началъ онъ, — извините, что я вамъ, можетъ быть, мѣшаю: но мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

— Хоть о двухъ, я къ вашимъ услугамъ, — отвѣтила Полина, сѣвъ насупротивъ его на кушетку.

Перець погладилъ свои усики и опять началъ:

— Вы, mademoiselle, знаете, зачѣмъ я учусь попольски?

— Затѣмъ, чтобы знать этотъ языкъ, — отвѣтила Полина.

— Нѣтъ, этого мало, это было бы роскошью, а такому человѣку, какъ я, совсѣмъ не до роскоши. Мало-ли на свѣтѣ

языковъ, достойныхъ извученія! Я учусь попольски затѣмъ, чтобы быть въ состояніи служить Польшѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнула Полина, вскочивъ съ кушетки и протянувъ молодому человѣку свои руки. — Вы не можете себѣ представить, какъ вы меня теперь обрадовали. Я ужъ давно собиралась заговорить съ вами о нашемъ дѣлѣ, о справѣ ойчизны; но я думала, что еще рано. Я не предполагала, чтобы вы такъ скоро прониклись польскимъ духомъ...

— Польскимъ духомъ я еще не проникся, — поспѣшилъ прибавить Перець, — лгать, лицемѣрить я не намѣренъ. Поляковъ я еще очень мало знаю; еще меньше ихъ люблю. Но если я чѣмъ нибудь проникнуть, такъ это негодованіемъ къ Россіи.

— Ну, все ровно, — замѣтила Полина: — кто врагъ Москвѣ, тотъ другъ Польшѣ.

— Не знаю, такъ-ли это, — отвѣтилъ Перець, — знаю только, что я *обязанъ* служить Польшѣ. Россія къ намъ слишкомъ несправедлива: мы ея подданные, а она насъ къ себѣ на порогъ не пускаетъ. Освобожденная Польша, можетъ быть, будетъ справедливѣе къ намъ. Поляки теперь много говорятъ о братствѣ, равенствѣ ..

— Они не только говорятъ, но и чувствуютъ, — перебила его Полина, — и горять нетерпѣніемъ доказать это на дѣлѣ. Остановка только за нами. Мы какъ-то не рѣшаемся...

— Но я рѣшился, — перебилъ ее Перець, — введите меня въ польскій кругъ, и я вашъ.

— Нашъ?

— Тѣломъ и душой.

— О, благодарю васъ! — воскликнула Полина, крѣпко пожавъ руку молодому человѣку, — благодарю васъ отъ имени всѣхъ патриотовъ, отъ имени Польши, которая есть наше природное отечество. Я васъ познакомлю съ поляками, вы ихъ узнаете, вы ихъ полюбите, вы къ нимъ привяжетесь, вы сами сдѣлаетесь полякомъ. Только твердо-ли ваше намѣреніе?

— Равнѣ вы во мнѣ сомнѣваетесь? — спросилъ Перець тономъ обиженнаго.

— О, нѣтъ! — поспѣшила Полина исправить свою ошибку: — я вамъ вѣрю, вполне вѣрю. Но, признаться, я не предполагала, я даже не подозрѣвала въ васъ намѣренія служить Польшѣ. Я всегда смотрѣла на васъ какъ на иностранца, которому нѣтъ никакого дѣла до нашей родины. Вы всегда бредили Франціей, Парижемъ... Я считала васъ французомъ.